

УДК 821.161.1

**«ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ...». К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АРГУМЕНТАЦИИ,
ОПРОВЕРГАЮЩЕЙ АВТОРСТВО**

**“FAREWELL, UNWASHED RUSSIA ...”. ON THE QUESTION OF AUTHORSHIP
OF M. LERMONTOV AND ABOUT THE FEATURES ARGUMENT REFUTING
AUTHORSHIP**

©Погребная Я. В.

д-р. филол. наук

Ставропольский государственный педагогический институт

г. Ставрополь, Россия, maknab@bk.ru

©Pogrebnaia Ya.

Dr. habil., Stavropol State Pedagogical Institute

Stavropol, Russia, maknab@bk.ru

Аннотация. Статья представляет собой реплику в споре об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия», приписываемому М. Ю. Лермонтову. Автор находит возможным и необходимым полемизировать с антилермонтовскими версиями, которые представлены в статьях А. Кутыревой, Г. Клеченова, С. Сокурова, П. Краснова, а также в интервью В. Михайлова, поскольку эти версии основаны на идеологических предпосылках, не учитывают особенности поэтики Лермонтова и буквализируют художественные образы стихотворения. Автор ставит перед собой цель доказать, что попытки укоренить художественное произведение в русле господствующей идеологии искажают смысл произведения и нивелируют его художественные достоинства. Автор выражает согласие с документально–библиографической аргументацией, опровергающей авторство М. Ю. Лермонтова, представленной в статье М. Д. Эльзона, и приходит к выводу, что вопрос об авторстве Лермонтова следует признать открытым в силу отсутствия автографа и списка стихотворения, общественного резонанса на его возможное распространение в списках, а также в силу публикации, значительно хронологически отсроченной от времени создания стихотворения, но не по причине его мивоззренческого и поэтического несоответствия художественной системе М. Ю. Лермонтова.

Abstract. The article is a replica of a dispute about the authorship of the poem “Farewell, unwashed Russia”, attributed to M. Lermontov. The author finds it possible and necessary to argue with antilermontovskimi versions, which are presented in the articles A. Kutyreva, G. Klechenov, S. Sokurov, P. Krasnov, and in an interview with V. Mikhailov, since these versions are based on ideological assumptions, do not address specific poetics Lermontov and artistic images of the poem. The author aims to prove that attempts to instill a work of art in the mainstream of the dominant ideology distorts the meaning of the work and negate its artistic merits. The author agrees with the documentary and bibliographical reasoning refuting authorship M. Lermontov presented in the article M. Elzon’s, and comes to the conclusion that the question of authorship of Lermontov should recognize the public due to lack of an autograph and poems list, visibility on its possible spread of the lists, as well as by virtue of the publication, much chronologically delayed by a poem of creation time, but not because of his poetic mind and artistic discrepancies system M. Lermontov.

Ключевые слова: авторство, список, автограф, образ, синекдоха, метафора, инверсия, рифма.

Keywords: authorship list, autograph, image, synecdoche, a metaphor, inversion, rhyme.

На рубеже XX–XXI в. в. отечественные ученые — литературоведы и историки — снова (а такого рода вопросы возникают в истории русской литературы периодически после первой публикации стихотворения «Прощай, немытая Россия...» в 1887 году) стали выражать сомнения в том, что автором этого стихотворения действительно был М. Ю. Лермонтов. В 1989 году с двумя статьями, опровергающими авторство М. Ю. Лермонтова, выступил В. Бушин (1), (2), в 1994 году на страницах «Литературной России» Г. Клеченов, отрицая авторство Лермонтова, выдвинул предположение о том, что автором выступал П. И. Бартенев (3). В 2004 году в журнале «Звезда» известный библиограф М. Д. Эльзон представляет всесторонний и глубокий анализ истории публикации стихотворения и, исходя из фактических данных и существенных разногласий в редакциях последней строфы, вновь поднимает вопрос о том, что авторство М. Ю. Лермонтова сомнительно и требует доказательств [1]. Поддерживает М. Д. Эльзона авторитетный литературовед Н. Н. Скатов, филологически дополняющий собственно библиографический анализ исследователя и также опровергающий авторство М. Ю. Лермонтова [2]. В 2006 г. А. Кутырева выдвигает гипотезу авторства Д. Д. Минаева [3–4]. В 2008 г. О. В. Миллер предлагает подробный анализ антилермонтовских версий, опровергая предположения о мистификации или подделке текста стихотворения со стороны П. И. Бартенева (4). Накануне Лермонтовского юбилея полемика оживает: в 2013 г. В. М. Чинухин выражает сомнения в убедительности антилермонтовских аргументов (5), на страницах «Литературной газеты» в рубрике «ЛГ — досье» под красноречивым заголовком «Не мог он назвать Россию немытой» публикуется интервью с В. Ф. Михайлов, автор биографии Лермонтова в серии ЖЗЛ [5], в котором опровергается авторство М. Ю. Лермонтова (6); в статье С. Сокурова (7) и П. Краснова (8) носят откровенно пропагандистский и идеологизированный характер, на их выпады, опираясь на библиографические факты и собственно литературоведческий анализ поэтики как стихотворения «Прощай, немытая Россия», так и поэтики М. Ю. Лермонтова в целом, отвечает весьма доказательно и обстоятельно неустановленный нами автор в статье «Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»?» (9). В настоящей статье предпринимается попытка перевести полемику из идеологической парадигмы в литературоведческую, сосредоточив внимание на анализе поэтики стихотворения, автором которого, возможно выступает М. Ю. Лермонтов, причем, осуществить этот анализ в контексте поэтики М. Ю. Лермонтова в целом, поскольку, соображения идеологического характера все же принадлежат к экстралитературной области и выступают вторичными по отношению к собственно поэтическому строю и образной системе как конкретного художественного произведения, так и художественной системы того или иного писателя и поэта. При необходимости, мы будем обращаться к фактическим данным библиографического и исторического характера, поскольку данная полемика вообще стала возможной из-за утраты автографа стихотворения. Как подчеркивала Т. К. Черная в исследовании эволюции и становления индивидуальных художественных систем необходимо следовать внутриэстетической направленности, чтобы выстроить идеологические выводы на основании анализа поэтики поэта, а не напротив, навязать поэтической системе идеологические установки: «Художественно–философские концепции и их эстетическая структура в каждой из индивидуальных художественных систем Пушкина, Лермонтова, Гоголя ... не выводятся из внеэстетических сфер (таких, как биографии,

мировоззрение, исторические условия создания, проблемы эпохи и т. д.), а вырастают из функциональных смыслов, порожденных поэтикой каждого произведения» [6, с. 3].

Автограф и черновик этого стихотворения не сохранились, напечатано оно было уже после смерти поэта. Первым напечатал стихотворение биограф и издатель М. Ю. Лермонтова П. А. Висковатов (*Русская старина*. 1887, №12, стр. 738–739). В 1880-е годы он опубликовал в «Русской мысли» и «Русской старине» многие прежде неизвестные стихотворения Лермонтова, извлеченные из черновых рукописей. Возможно, что в его руках была и рукопись «Прощай, немытая Россия», впоследствии утраченная. В публикации в «Русской старине» Висковатов однозначно называет автором Лермонтова.

Отсутствие черновиков и автографов — веское основание для сомнений в авторстве. С другой стороны, бесспорен и тот факт, что не сохранились или до сих пор не найдены около 100 автографов стихотворений Лермонтова (Согласно статье «Рукописи Лермонтова», это приблизительно четвертая часть их общего числа, однако никто не оспаривает в данном случае авторства Лермонтова [7].

В контексте настолько точно избранного предмета полемики представляется важным актуализировать вопрос о том, когда такая полемика возобновляется, какими социально–историческими обстоятельствами детерминирована. Всемирно известный прецедент полемики по «шекспировскому вопросу» хронологически восходит к периоду всемирного признания Шекспира. Это выглядело бы парадоксальным, если бы не следующее обстоятельство: на рубеже XIX–XX в. в. проводникам английской чистоты нравов в пьесах Шекспира многое казалось непристойным, неприличным, дискредитирующим строгую британскую мораль. Джозеф Харт, фактический родоначальник антишекспирианы («Прогулки на яхте», 1848), указал, что Шекспир «покупал или добывал тайком» чужие пьесы, а затем «приправлял непристойностями, сквернословием и грязью» [8]. Таким образом, желая предъявить миру идеального Шекспира, критики и исследователи в погоне за абсолютно высоконравственным содержанием, оказались готовыми отказаться от Шекспира и создать нового автора. Только так можно было согласовать с требованиями строгой морали такую, например, шутку Гамлета, положившего голову на колени к Офелии: «Прекрасная мысль — лежать между девичьих ног» (10). Сомнения легко были бы опровергнуты, если бы сохранились рукописные автографы Шекспира, но они либо утрачены навсегда, либо не найдены до сих пор. Таким образом, отсутствие рукописей, как можно убедиться на примере истории «шекспировского вопроса», может стать существенной причиной для сомнений в авторстве того или иного писателя или поэта в условиях изменившихся идеологических или аксиологических критериев оценки как его творчества и личности, так и места, которое он занимает или (согласно новым идеологическим позициям) должен занимать в истории литературы, философии, культуры и истории своей страны в целом.

Если тот же принцип поиска исторической детерминированности спора об авторстве применить к стихотворению «Прощай, немытая Россия...», то становится очевидным тот факт, что споры об авторстве оживляются в период смены идеологических парадигм. Современная культурно–историческая эпоха отмечена обращением к традиционным ценностям, интенсивным поиском русской идентичности, утверждением уникальности русского пути развития и русской национальной идеи. И личность Лермонтова и его творчество, таким образом, интерпретируются исходя из современного понимания патриотизма, согласно которому Лермонтов выступает как православный христианин и умеренный критик режима Николая I. В русле прежней идеологической парадигмы, восходящей к ленинскому пониманию преемственности трех этапов освободительного

движения в России, Лермонтов предстал атеистом и непримиримым борцом с николаевским режимом.

Вполне закономерно поэтому, что к вопросу об авторстве М. Ю. Лермонтова на заре утверждения новой аксиологии обратился в 2004 году, во время торжеств, посвященных празднованию 190-летия со Дня рождения поэта, директор Пушкинского дома (Института мировой литературы) авторитетный исследователь и историк литературы Н. Н. Скатов, указавший, что содержание стихотворения «противоречит всей системе взглядов Лермонтова, все более укреплявшегося в своем русофильстве...» [2, с. 14]. Причем, данное обстоятельство исследователь позиционировал, как главное, выступающее источником сомнений в авторстве, первичное по отношению к утрате списка и автографа.

В приведенной выше цитате фактически описаны все источники аргументов и способы аргументации против лермонтовского авторства. Отсутствие черновиков и автографов, как мы имели возможность убедиться, достаточно веский аргумент для отказа признания авторства Лермонтова. Н. Н. Скатов ссылается, приводя этот аргумент, на авторитетного историка литературы, библиографа и библиофила М. Д. Эльзона. Свои сомнения в авторстве М. Ю. Лермонтова библиограф и библиофил М. Д. Эльзон высказывает, базируясь исключительно на документальных источниках, на сохранившихся списках стихотворения, свидетельствах и воспоминаниях современников, не выдвигая никаких предположений идеологического характера («Лермонтов, будучи русофилом, не мог назвать Россию «немытой»). Выводы исследователь делает, оставаясь в поле фактических и документальных источников, не прибегая к предположениям, опровергающим авторство Лермонтова на мировоззренческих основаниях. Причем, М. Д. Эльзон, оспаривая авторство М. Ю. Лермонтова и приводя убедительные доказательства в пользу своей точки зрения, тем не менее, оставляет вопрос об авторстве открытым: «Следовательно, до тех пор, пока не найдется утраченный (?) «подлинник» (?), о котором П. И. Бартенев сообщил П. А. Ефремову, либо список, безусловно датируемый до 1873 г., вопрос об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия...» следует считать открытым. Если печатать его в сочинениях Лермонтова, то лишь в разделе *Dubia*» [1, с. 209].

В качестве аргументов, опровергающих авторство Лермонтова, помимо отсутствия автографа и списка, существенных разночтений в редакции последней строфы, отсутствия реакции современников на остро критическое политическое стихотворение (если оно все же распространялось в списках) или же по невыясненным причинам значительно отсроченной от времени создания публикации стихотворения, высказываются соображения, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» иронически пародирует стихотворение А. С. Пушкина «К морю» (А. Кутырева, Г. Клеченов), что в стихотворении есть ряд исторических и документальных неточностей (С. Сокуров, П. Краснов), но самое главное, что в стихотворении Россия названа «немытой», а Лермонтов — патриот и русофил — так назвать Россию не мог (П. Краснов, В. Михайлов, С. Сокуров).

Как указывают, опровергающие авторство Лермонтова исследователи, первая строка стихотворения «Прощай, немытая Россия» содержит пародийную переключку со стихотворением А. С. Пушкина «К морю». Хотя очевидно, что первая строка стихотворения «Прощай, немытая Россия» построена по эффективной и по сей день синтаксической модели предложения с обращением: обращение находится в постпозиции и выражено сочинительным рядом, который распространяет и поясняет смысл обращения: собственно значение словосочетания «немытая Россия» поясняется в сочинительном ряде, где дается сначала уточнение, что за страна названа «немытой»: «страна рабов, страна господ», а далее конкретизируется сама формула устройства государства: «мундиры голубые», олицетворяют

власть, «страну господ», верящий им народ — «страну рабов». Развернутая вокативная формула, в которой актуализирован ряд художественных тропов: противопоставление («страна рабов, страна господ»), синекдоха («мундиры голубые»), показывающая, к какой именно России поэт обращается с прощанием, соответствует особенностям функционирования обращения в поэтической речи: «В поэтической речи в качестве эмоционального и экспрессивного средства часто используется прием олицетворения — обращения не к лицам, а к предметам и явлениям», — как указывает П. А. Лекант [9, с. 369]. Это типичная синтаксическая модель, в которой предикат со значением приветствия и прощания стоит в препозиции по отношению к обращению. Вокативная (звательная) интонация отвечает именно этой модели, поэтому не может непременно указывать на аллюзии из первой строки пушкинского стихотворения «К морю» (1824). Более того, даже если согласиться с соображением, что эти аллюзии имеют место быть, то в обоих стихотворениях, и в пушкинском и, предположительно, лермонтовском, первая строка более вероятно выступает в коннотации с общим источником — стихотворением Дж. Г. Байрона «Farewell» («Прощай!», 1808, в переводе М. Ю. Лермонтова (1830) «Прости!», автограф сохранился. В черновом автографе стихотворение озаглавлено «(Прости) из Байрона» (11 с. 112)) или же с «Прощанием» из «Песни первой» «Паломничества «Чальд-Гарольда» (1812): «Прости, прости! // Все крепнет шквал, // Все выше вал встает, // И берег Англии пропал // ... // Прощай до завтра, солнца свет, // Британия, прощай!» (12).

Тематически и содержательно именно с этим фрагментом байроновской поэмы у стихотворения «Прощай, немытая Россия» больше смысловой общности: оба прощания передают стремление отдалиться, скрыться за преградой (морем, стеной Кавказа), оба передают разочарование в родной Отчизне, состояние одиночества и тоски, неизвестности будущего, неопределенности стремлений — есть желание оставить родную землю, но нет определенного стремления к тому, что можно или должно найти в чужом краю. К тому же, стихотворение «К морю» Пушкин в письме к П. А. Вяземскому называл: «маленьким поминаньем за упокой души раба божия Байрона» (13, с. 80) и посвятил Байрону несколько стрóf.

Н. Н. Скатов указывает на неточность в стихотворении: «Кстати сказать, речь в стихотворении о желании укрыться за «стеной Кавказа» в то время, как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены» [2, с. 14] В контексте развернувшейся полемики важно подчеркнуть, что в замечании Н. Н. Скатова художественные образы перестают интерпретироваться как собственно художественные, то есть, как условные, обобщенно-символические, а начинают прочитываться буквально. Именно от такого буквального понимания художественных образов Лермонтов предостерегал читателей своего романа, указав в «Предисловии»: «Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов» (14, с. 455). Собственно именно так в антилермонтовских версиях интерпретируется синекдоха «мундиры голубые»: при Николае I жандармы носили мундиры светло-синего цвета, в 60-х г. г. XIX века цвет мундира сменился на собственно синий. Хотя словосочетание «мундир голубой» применительно к жандармской форме совпадает с официальным описанием цвета жандармского мундира в «Военно-энциклопедическом лексиконе» в статье «Жандармы в России»: «Мундир жандармский голубой» (15, с. 451). Словосочетание «голубой мундир» применительно к жандармской форме употребляет в «Дневнике» (запись от 2 июля 1830 г.) еще до Лермонтова историк литературы, профессор Санкт-Петербургского университета, цензор А. В. Никитенко (1804–1877), вспоминая посещение праздника в Петергофе: «Но и тут известные особы в голубых мундирах спешили приводить в надлежащие формы каждое свободное движение» (16).

Не вдаваясь в нюансы восприятия оттенков синего и возможности идентификации светло-синего как голубого, обратим внимание на синекдоху — «мундиры голубые» в аспекте ее смысловой и художественной значимости. По мундиру (синему ли, голубому ли — не так существенно в контексте стихотворения) обозначается собственно человек, таким образом, функция службы, исполнения обязанностей жандарма, становится для человека в мундире определяющей, собственно мундир становится субститутом человека, человек становится функцией при мундире. «Мундиры голубые» — это проводники и исполнители приказов, решений и воли и власти, а не самостоятельные люди. А. С. Пушкин в стихотворении «Анчар» (1828), показывая ситуацию бесконтрольной власти и тотального подчинения, обращается к аналогичному художественному приему: воины владыки тоже представлены через синекдоху — «послушливые стрелы» — это не люди, а орудия убийства в руках всемогущего правителя. Именно таким образом, Пушкин показывает, как отношения бесконтрольной полной власти («непобедимый владыка»), с одной стороны, и безропотного, бездумного подчинения («бедный раб»), с другой, нивелируют в людях все человеческое (и у раба, и у владыки).

В контексте лермонтовской поэтики образ «мундир голубой» предстает как чрезвычайно сложный и внутренне конфликтный, это не только синекдоха, но и оксюморон: поскольку эпитет «голубой» в художественном мире Лермонтова маркирует свободную морскую стихию («Белеет парус одинокий, // В тумане моря голубом» (1832); «В пустыне моря голубой...» («Графине Ростопчиной», 1841); или указывает на идеальный образ человека — поэта или прекрасной девы («Как небеса, твой взор блистает // Эмалью голубой...» («Слышу ли голос твой...», 1838); «...будто как металл // Язвили голубые очи.» («Жена Севера»); «Прощай, наш товарищ, недолго ты жил, // Певец с голубыми очами («В рядах стояли безмолвной толпой...» 1834–1835). Но наиболее часто определением «голубой» характеризуются небеса («...пред мною // Не серое, не голубое небо» («Ночь I», 1830?); «Блистая, пробегают облака // По голубому небу...» («К другу В. Ш.»); «На голубое небо он смотрел...» («Видение», 1831?); «Луна, взойдя на небе голубом...» («Сон») «И опустело небо голубое...» («Смерть», 1830), «Свод небес далекий голубой» («Сонет»). Как указание на совершенный мир мечты, мир недоступный человеку при жизни, эпитет голубой предстает в «Русалке» («Русалка плыла по реке голубой...», 1836), в медитативном стихотворении «Выхожу один я на дорогу» («Спит земля в сияньи голубом...», 1840?), эпитет «голубой» маркирует порой даль, тоже соотносимую с образом недостижимого мира («... в дали голубой // Столбом уж кружился песок золотой», «Три пальмы», 1839) (17). Сразу же обратим внимание на следующее обстоятельство: эпитет «голубой», как правило, ставится Лермонтовым в постпозицию и занимает положение в конце строки, образуя рифмуемое слово (в случае с образом «мундиры голубые» также). Инверсия выделяет эпитет, который тем самым становится акцентированным в смысловом отношении, что еще более усиливается статусом конечного и рифмуемого слова в строке. В целом, семантической доминантой, объединяющей разные смысловые оттенки эпитета «голубой» и обобщающей его смысловой объем, выступает сема совершенства, соотнесенного или с поэзией, или с высшим небесным миром, или с совершенной красотой или абсолютной свободой мира водной стихии. Этот высший совершенный мир — мир мечты, предстает для человека как указание для стремления к совершенству, к небесному идеалу. В этом контексте сочетание эпитета «голубой» по отношению к жандармскому мундиру, вне зависимости от точности цветового воспроизведения и исторического соответствия форме жандарма при Николае I, выступает в лермонтовской поэтике указанием на неразрешимый конфликт между устремленностью человека к высшим, небесным идеалам, к совершенству и конкретно-историческими обстоятельствами, выражающимися в прикрепленности человека к

определенной социальной среде, к конкретной исторической эпохе, а принимая во внимание, что в стихотворении конструируется синекдоха, данный поэтический образ следует прочитывать, как трагическое несоответствие собственно человеческого конкретно-историческому. Более того, синекдоха «мундиры голубые» особо подчеркивает эту обезличенность, эту поглощенность человека государственной функцией, единицы общностью, тем, что слово «мундир» употребляется в стихотворении во множественном числе. В стихотворении конкретное «Я» лирического героя, человека, взятого в единичности его судьбы и личности, противопоставляется некоему неперсонифицированному множеству, причем, даже не людей, а служебных функций — «мундиров». Значение образа «мундиры голубые», безусловно, не буквально, а глубоко символично, причем, с наличием необходимой для символа визуальной закреплённости. Прочитанная как поэтический образ, а не как буквальная копия, синекдоха «мундиры голубые» приобретает в контексте стихотворения важное значение как указание на оппозицию лирическому герою.

Синекдоха «мундиры голубые», обозначающая жандармов, создана по той же модели, что и поэтический образ «мундира» в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824). В знаменитом монологе Чацкого «А судьи кто?» представлена аналогичная синекдоха: «Мундир! один мундир! он в прежнем их быту // Когда-то укрывал, расшитый и красивый, // Их слабодушие, рассудка нищету; // И нам за ними в путь счастливый!» (18) Мундир в монологе Чацкого, как и в стихотворении Лермонтова (предположительно), представлен как субститут человеческой личности, более того. «Мундир» — это социальный и имущественный статус, это способ приобрести значение не через реализацию своих человеческих качеств и возможностей, а через достижение определенного чина (в армии или на службе) и дальнейшего представления себя исключительно через этот чин. Чацкий подчеркивает, что это саморастворение в мундире, в чине — это норма и цель жизни, навязываемая молодому поколению, как успешная модель поведения, более того, отступления от нее считаются подозрительными и опасными. Синекдоха «мундиры голубые» создается по той же семиотической модели: чин, принадлежность к некоторому властному ведомству поглощают человеческую личность, нивелируют ее, делают принадлежность к ведомству единственным способом ее идентификации. Типологическая аналогия в построении и применении художественного приема характеризует стремление двух поэтов достичь сходного художественного эффекта и вызвана отражением одной и той же черты российской действительности — чиновничества, стремления отказаться от собственной идентичности и индивидуальной ответственности в пользу безопасного, комфортного и сулящего всевозможные карьерные и материальные блага выбора принадлежности к некоторому, представляющему власть ведомству, причем, эта черта выступает как категориальная, а не как маркирующая конкретную социально-историческую эпоху: между двумя произведениями лежит исторический промежуток в двадцать лет, ознаменованный сменой монарха и некоторым реформированием системы управления.

Против авторства Лермонтова выдвигается еще один аргумент — нигде больше, ни в одном произведении Лермонтов не употребляет слово «паша». («Так кривые образы «голубые мундиры», «паши» не встречаются нигде более», — указывает А. Кутырева [3–4]) «Алфавитно-частотный словарь языка Лермонтова» включает 14239 слов [7, с. 719–774]. Из них очень многие были употреблены в сочинениях поэта только один раз, например, слова: «аплодировать», «балахон», «бас», «сирень», «символический», «рубаха». Согласно тому же словарю, слово «паша» встречается в произведениях М. Ю. Лермонтова 8 раз: в прозаической сказке «Ашик Кериб» слово паша встречается 6 раз, 1 раз в драме, 1 раз в лирике. Причем, это слово выступает как маркер-указатель на произвол власти: «Иди с нами, к великому паше, закричали они, или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек

вольный, странник из города Тифлиза, говорит Ашик–Кериб; хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, — и ваш паша мне не начальник»; — однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше» (19). А эпитет «немытая» употребляется Лермонтовым, помимо анализируемого стихотворения (если согласиться с авторством Лермонтова), в поэмах «Монго» (1836) и «Тамбовская казначейша» (1838). В первом случае определение имеет буквальное значение, но его употребление интересно в контексте развернувшейся полемики: «Не занимался он чинами, // Ходил немытый целый день, // Носил фуражку набекрень; // Имел он гадкую посадку: // Неловко гнулся наперед, // И не тянул ноги он в пятку, // Как должен каждый патриот...» (20). Пренебрежение некоторыми приличиями выступает одной из составляющих его образа жизни, как независимого и свободного: герой поглощен не службой, а балетом и любовными похождениями. В «Тамбовской казначейше» определение «немытый» также употреблено в буквальном смысле: «Но полк прошел. За ним мелькает // Толпа мальчишек городских, // Немытых, шумных и босых» (21).

Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что определение «немытый» вновь соседствует с упоминанием официальной воинской службы, более того, вновь ему противопоставлено: за полком бежит толпа мальчишек, поведение которых свободно, а вид не уставен: ребята босые, шумные и немытые, они бегут, в то время как полк марширует. В стихотворении «Прощай, немытая Россия...» эпитет «немытая» находится не в оппозиции по отношению к «мундирам голубым», как символу службы, но охватывает при этом и жандармов и народ, жандармам доверяющий, то есть значение эпитета иное, чем в приведенных контекстах, но при этом и не буквальное.

С тем чтобы выявить семантический объем эпитета «немытая» и его метафорическое значение целесообразно обратиться к поиску контекстов с однокоренными словами без отрицательной приставки, принимая во внимание общий принцип организации художественного мира Лермонтова по принципу актуальных оппозиций, как указывает, идентифицируя тип лермонтовской гармонической организации текста К. Э. Штайн [10, с. 159–192]. Слова с общей семьей «мыть» М. Ю. Лермонтов употребляет, как правило, в переносном, метафорическом значении:

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
(«Журналист, Читатель и Писатель», 1840) (17).

Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть... («Покаяние») (17).

Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой... («Черны очи», 1831) (17).

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Бойтся руки умыть. («Атаман») (17).

И наконец знаменитое:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь! («Смерть поэта», 1837) (17).

Слова с корнем «мыть» употребляются Лермонтовым в переносном значении, чистота, ими обозначаемая, понимается, как чистота духовная, как душевное спокойствие, как достижение внутренней гармонии, основанное на покаянии, избавлении от грехов, приобщении к высшей чистоте, то есть чистоте небесной. Такая возможность закрыта для льстецов и подхалимов, окруживших трон в надежде на богатство и чины, для атамана, совершившего преступление, которое он не может искупить, за которое сам себя не прощает. В таком контексте значение эпитета «немытая» шире, чем значение прямое — «грязная» или переносное — «непросвещенная»: вместо веры в начала небесные и духовные у народа есть вера в мундир, то есть в начала надзорные, охранительные, возможно даже справедливые (предположим), но светские, земные. Именно эту замену небесной власти мирской, ее возведение в абсолют, растворение в ней (народ представлен также общо и безлико, как «мундиры голубые») и передает эпитет «немытая», примененный к России. Более того, мирская власть представлена, как наделенная способностями и возможностями власти небесной, высшей — она всевидящая и всеслышающая, то есть, это власть мирская, взявшая на себя функции божественные, стремящаяся все видеть, знать и контролировать, то есть предстать властью высшей небесной, заменить небесную власть. Именно эта подмена, этот обман, заключенный в том, что власть земная представляется властью небесной, берет на себя божественные полномочия, и приводит к появлению в стихотворении эпитета «немытая». Более того адептам этой власти — «мундирам голубым», а не вестникам власти высшей — ангелам и пророкам — верит народ. Лермонтовский пророк («Пророк», 1841) — изгнанник, которому люди не захотели верить, которого не захотели слушать. Выбор причастия «верящий» чрезвычайно значим — в стихотворении подчеркивается, что народ не просто подчиняется власти и исполнителям ее решений, а верит проводникам этих решений, эта вера и объединяет «мундиры голубые» и народ. На этом пути замены и подмены понятий у народа и России нет будущего (в одном из приведенных выше контекстов краткое страдательное причастие «омыт» применяется для характеристики мира будущего). Мир мундиров и верящего им народа противопоставлен миру лирического героя, который надеется в новом мире, еще не вполне освоенном, не вполне подчиненном власти мундиров, обрести если не свободу, то избавление от тотальной слежки и подчинения духовных начал началам светским.

В контексте этого противопоставления в синекдохе «мундиры голубые» актуализируется еще один смысловой оттенок. Центральные лермонтовские антиномии: «время–вечность», «смерть–жизнь», «земля–небо», «судьба–свобода», «действие–покой», — выражают положение человека, находящегося в состоянии поиска и саморазвития, определяющего свое место в мироздании и цели в жизни по отношению к полюсам именно этих антиномий. Онтология лермонтовского человека охватывает несколько уровней его бытия от физического и конкретного исторического до духовного, трансисторического, космического, причем, поиски идентичности начинаются на верхнем, космическом уровне, а затем экстраполируются на конкретное бытие в конкретных месте и времени. Вертикальное измерение в ценностных ориентирах и предпочтениях для лермонтовского человека выступает определяющим. С. Ломинадзе, анализируя лирику Лермонтова, пришел к выводу, что «вертикальная доминанта» ведет к особой организации хронотопа в художественном мире Лермонтова (6, с. 14). Оппозиция земного и небесного носит, таким образом, моделирующий мир характер, а отношение к ней выступает средством и способом идентификации человека в истории. Именно поэтому антиномия «земля–небо» приобретает характер ключевой, определяющий направление поиска идентичности лермонтовским человеком. Небеса в поэтике Лермонтова наделяются кроме общей семантики верха, значением соответствия сакральному, совершенному («По небу полуночи ангел летел» —

«Ангел» (19, с. 95); «И в небесах я вижу бога» — «Когда волнуется желтеющая нива» (19, с. 161)). Соотнесение своей земной жизни с небесами, постоянное соизмерение своей земной жизни с небесным идеалом, жизнь в виду небесного идеала, постоянное стремление к совершенству — это способ бытия лермонтовского человека. Если эпитет «голубой», который можно в творчестве Лермонтова признать постоянным эпитетом неба, применяется к абсолютно земному, сосредоточенному в границах земного явлению, соизмеримому только с мирским уровнем земного бытия, это приводит к девальвации небесного, к замене жизни в виду небес на жизнь в виду мирской власти. Собственно именно такой способ жизни передается в последней строфе стихотворения: наблюдение небес, всезнание небес, сменяется постоянным наблюдением, всезнанием мирской власти, претендующей на то, чтобы занять (и фактически занявшей, поскольку ею присвоена вера) место высшей власти небесной.

Необходимо снова подчеркнуть очень значимое обстоятельство: в стихотворении образ «мундиров голубых» представлен как инверсия — «мундиры голубые», таким образом, основной смысловой акцент падает на определение, а не на определяемое слово, к тому же, эпитет «голубые» завершает строку и рифмуется со словом «Россия». Собственно эта рифма выступает исчерпывающим ответом тем, кто сомневается в патриотизме и русофильстве Лермонтова и поэтому опровергает авторство Лермонтова преимущественно на основании того, что в стихотворении эпитет «немытая» применен к России, — эпитет «голубые», представляющий в поэтическом мире Лермонтова указанием на сферу сакрального, высшего, совершенного, идеального, рифмуется со словом «Россия», с именем Родины, тем самым, перенося свой семантический объем на слово, с которым он соотносится посредством рифмы. Слова, рифмующиеся и выделенные при помощи инверсии, приобретают в стихотворении особый семантический статус, выступают смыслообразующими, ключевыми. Именно эта рифма отделяет «Россию» от эпитета «немытая», сообщает этому художественному образу такой же статус оксюморона, что и образу «мундиров голубых», причем, если во втором случае ключевое слово в образе — «голубой», то в первом, при прямом порядке слов, ключевое слово — «Россия». Так, рифмующиеся слова в первой строфе указывают на истинный источник сакрального, заключенный в России, а не мундирах или их руководителях — пашах с всеслышащими ушами.

Проведенный анализ семантического объема метафорических эпитетов («немытая», «голубые»), ведущих поэтических образов стихотворения (оппозиции «страны рабов, страны господ» лирическому герою, синекдохи и инверсии «мундиры голубые», рифмы «голубые — Россия»), синтаксического строя первой строфы стихотворения, разумеется, не может опровергнуть убедительных доводов, ставящих на основании анализа библиографических источников под сомнение авторство М. Ю. Лермонтова. Именно поэтому решение, предлагаемое М. Д. Эльзоном — включать стихотворение в собрания сочинений М. Ю. Лермонтова в раздел произведений с точно не установленным авторством, — представляется на сегодняшний день наиболее реалистичным и объективным. Хотя образный строй и смысл стихотворения не противоречат ни убеждениям Лермонтова, ни общим принципам его поэтики.

Источники:

- (1). Бушин В. Курьез с шедевром // Слово. 1989. №10. С. 45-48.
- (2). Бушин В. Странная судьба одного стихотворения // Кубань. 1989. №10. С. 80-90.
- (3). Клеченов Г. Об одной очень странной мистификации // Литературная Россия. 1994. 18 февр. С. 12.

- (4). Миллер О. В. Кто прощался с Россией, уезжая на Кавказ? // Literary.RU. Режим доступа: goo.gl/F673KP.
- (5). Чинухин В. М. Еще раз об авторстве Лермонтова // «Самиздат». Режим доступа: goo.gl/5kONPj.
- (6). Михайлов В. Ф. Не мог он назвать Россию немытой // Литературная газета. 15.10.2014. №40 (6482). Режим доступа: goo.gl/N9w8a0.
- (7). Сокуров С. «Прощай, немытая Россия...» Кто же автор? // Кругозор. Интернет-журнал. Режим доступа: goo.gl/IXkLrD.
- (8). Краснов П. «Прощай, немытая Россия...» — идеологическая диверсия // Крамола. Режим доступа: goo.gl/V45bTh.
- (9). Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»? // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. Режим доступа: goo.gl/Vv2wZ2.
- (10). Шекспир В. Гамлет. В пер. М. Лозинского. Режим доступа: goo.gl/8КАВ9а.
- (11). Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979-1981. Т. 1. Стихотворения, 1828-1841. 1979.
- (12). Байрон Дж. Г. Паломничество Чальд-Гарольда. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М., Правда, 1981.
- (13). Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Т. 10. Письма 1831-1837. 486 с.
- (14). Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 2 т. Том второй / Сост. и комм. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1990. 704 с.
- (15). Военно-энциклопедический лексикон. «Жандармы в России». СПб., 1841. Ч. 5. 639 с.
- (16). Никитенко А. В. Записки и дневник (В 3-х книгах). М.: Захаров, 2005. 640 с. Режим доступа: goo.gl/NrZGXC.
- (17). Лермонтов М. Ю. Стихотворения. ПСС, том 1. Художественная литература, 1957.
- (18). Грибоедов А. С. Горе от ума // Библиотека Максима Мошкова. Режим доступа: goo.gl/6R5E4N.
- (19). Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб. Турецкая сказка // Библиотека Максима Мошкова. Режим доступа: goo.gl/УК41Nc.
- (20). Лермонтов М. Ю. Монго // Электронная библиотека отечественной и зарубежной поэзии XIX-XX веков. Режим доступа: goo.gl/8wR0II.
- (21). Лермонтов М. Ю. Тамбовская казначейша // Электронная библиотека отечественной и зарубежной поэзии XIX-XX веков. Режим доступа: goo.gl/Y0zjq4.

Sources:

- (1). Bushin V. Kurez s shedevrom. Slovo. 1989, №10, p. 45-48.
- (2). Bushin V. Strannaya sudba odnogo stikhotvoreniya. Kuban. 1989, №10, p. 80-90.
- (3). Klechenov G. Ob odnoi ochen' strannoi mistifikatsii. Literaturnaya Rossiya, 1994, 18 fevr., p. 12.
- (4). Miller O. V. Kto proshchalsya s Rossiei, uezhaya na Kavkaz? Literary.RU. Available at: goo.gl/F673KP.
- (5). Chinukhin V. M. Eshche raz ob avtorstve Lermontova. Samizdat. Available at: goo.gl/5kONPj.

- (6). Mikhailov V. F. Ne mog on nazvat Rossiyu nemytoi. Literaturnaya gazeta, 15.10.2014, №40 (6482). Available at: goo.gl/N9w8a0.
- (7). Sokurov S. “Proshchai, nemytaya Rossiya...” Kto zhe avtor? Krugozor. Internet-zhurnal. Available at: goo.gl/IXkLrD.
- (8). Krasnov P. Proshchai, nemytaya Rossiya... — ideologicheskaya diversiya. Kramola. Available at: goo.gl/V45bTh.
- (9). Est li osnovaniya somnevatsya v avtorstve stikhotvoreniya Proshchai, nemytaya Rossiya? Spravochno-informatsionnyi portal GRAMOTA.RU. Available at: goo.gl/Bv2wZ2.
- (10). Shekspir V. Gamlet. V per. M. Lozinskogo. Available at: goo.gl/8KAB9a.
- (11). Lermontov M. Yu. Sobranie sochinenii: V 4 t. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). Izd. 2-e, ispr. i dop. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979-1981. V. 1. Stikhotvoreniya, 1828-1841. 1979.
- (12). Bairon Dzh. G. Palomnichestvo Chald-Garolda. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh. V. 2. Moscow, Pravda, 1981.
- (13). Pushkin A. S. Sobranie sochinenii v 10 tomakh. M.: GIKhL, 1959-1962. T. 10. Pisma 1831-1837. 486 p.
- (14). Lermontov M. Yu. Sobr. soch. v 2 t. Tom vtoroi. Sost. i komm. I. S. Chistovoi. Moscow, Pravda, 1990. 704 p.
- (15). Voenno-entsiklopedicheskii leksikon. Zhandarmy v Rossii. St. Petersburg, 1841, part. 5, 639 p.
- (16). Nikitenko A. V. Zapiski i dnevnik (V 3-kh knigakh). Moscow, Zakharov, 2005, 640 p. Rezhim dostupa: goo.gl/NrZGXC.
- (17). Lermontov M. Yu. Stikhotvoreniya. PSS, v. 1. Khudozhestvennaya literatura, 1957.
- (18). Griboedov A. S. Gore ot uma. Biblioteka Maksima Moshkova. Available at: goo.gl/6R5E4N.
- (19). Lermontov M. Yu. Ashik–Kerib. Turetskaya skazka. Biblioteka Maksima Moshkova. Available at: goo.gl/YK41Nc.
- (20). Lermontov M. Yu. Mongo. Elektronnaya biblioteka otechestvennoi i zarubezhnoi poezii XIX-XX vekov. Available at: goo.gl/8wR0II.
- (21). Lermontov M. Yu. Tambovskaya kaznacheisha. Elektronnaya biblioteka otechestvennoi i zarubezhnoi poezii XIX-XX vekov. Rezhim dostupa: goo.gl/Y0zjq4.

Список литературы:

1. Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. №2. С. 206-209.
2. Скатов Н. Н. Всеведение пророка: к 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Русская литература. 2005. №1. С. 3-15.
3. Кутырева А. Спор о патриотизме Лермонтова // Проза.ру. 2006. №10. Режим доступа: goo.gl/zv2LmV (дата обращения 03.03.2017).
4. Кутырева А. Пародируя поэта // NIV. Режим доступа: goo.gl/EtlgLE (дата обращения 03.03.2017).
5. Михайлов В. Лермонтов: Один меж небом и землей. М.: Молодая гвардия, 2012. 618 с.
6. Черная Т. К. Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе первой половины XIX века (Пушкин, Лермонтов, Гоголь): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2005. 48 с.

7. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.

8. Шекспировская энциклопедия. М.: Радуга / Под ред. Стэнли Уэллса при участии Джеймса Шоу. Перевод А. Шульгат, 2002. Режим доступа: goo.gl/hfL29m (дата обращения 04.03.2017).

9. Лекант П. А., Гольцева Н. Г., Жуков В. П. и др. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. П. А. Леканта. 5-ое изд. стретип. М.: Высшая школа, 2001. 462 с.

10. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Универсальность Лермонтова. Ставрополь: СКФУ, 2014. 319 с.

References:

1. Elzon M. D. *Ob avtore stikhotvoreniya «Proshchai, nemytaya Rossiya»* (About the author of the poem Farewell, unwashed Russia). *Star*. 2004. № 2. P. 206-209.

2. Skatov N. N. *Vsevedene proroka: k 190-letiyu so dnya rozhdeniya M. Yu. Lermontova* (The omniscience of the prophet to the 190th anniversary of Mikhail Lermontov). *Russian literature*. 2005. №1. P. 3-15.

3. Kutyreva A. *Spor o patriotizme Lermontova*. *Proza.ru*. 2006. №10. Available at: goo.gl/zv2LmV, accessed 03.03.2017.

4. Kutyreva A. *Parodiruya poeta*. *NIV*. Available at: goo.gl/EtlgLE, accessed 03.03.2017.

5. Mikhailov V. *Lermontov: Odin mezh nebom i zemlei*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2012. 618 p.

6. Chernaya T. K. *Poetika khudozhestvenno-individualnykh sistem v literaturnom protsesse pervoi poloviny XIX veka (Pushkin, Lermontov, Gogol)* (The poetics of artistic and individual systems in the literary process of the first half of the XIX century (Pushkin, Lermontov, Gogol)). Abstract. on competition uch. Doctor degree. philologist. Sciences in the specialty 10.01.01 — Russian literature. Stavropol, Publishing house: SGU. 2005. 48 p.

7. *Lermontovskaya entsiklopediya* (Lermontov Encyclopedia). Gl. red. V.A. Manuilov. Moscow, Soviet encyclopedia, 1981, 784 p.

8. *Shakespeare's encyclopedia*. (Shakespeare Encyclopedia). Ed. Stanley Wells, with the participation of James Shaw. Translated by A. Shulgat, 2002. Art. Authorship. Moscow, Rainbow. Available at: goo.gl/hfL29m, accessed 04.03.2017.

9. *Sovremenniy russkiy literaturny yazyk: Uchebnik* (Modern Russian language. Textbook). Lekant P. A., N.G. Goltseva, V.P. Zhukov i dr. /Pod red. P.A. Lekanta. Moscow, Higher School, 2001, 462 p.

10. Shtain K. E. *Universalnost Lermontova* (Lermontov's versatility) / K. E. Shtain, D. I. Petrenko. Stavropol, NCFU, 2014, 319 p.

Работа поступила
в редакцию 09.04.2017 г.

Принята к публикации
15.04.2017 г.

Ссылка для цитирования:

Погребная Я. В. «Прощай, немытая Россия...». К вопросу об авторстве М. Ю. Лермонтова и об особенностях аргументации, опровергающей авторство // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №5 (18). С. 288-301. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/pogrebnaaya-1> (дата обращения 15.05.2017).

Cite as (APA):

Pogrebnaaya, Ya. (2017). "Farewell, unwashed Russia ...". On the question of authorship of M. Lermontov and about the features argument refuting authorship. *Bulletin of Science and Practice*, (5), 288-301